

6. Патканян Р. История основания Нор-Нахиджевана (на арм. яз.). Тифлис, 1879. С. 61.
7. Там же.
8. Шахазиз Е. Монастырь Сурб Хач Нор Нахиджевана (на арм. яз.). Тифлис, 1901. С. 7.
9. Шахазиз Е. Нор-Нахиджеван и нор-нахиджеванцы (на арм. яз.). Тифлис, 1903. С. 72.
10. Хачикян С. Хачкар Сурб Хач вновь в Сурб Хаче // Община. һамайнк. Историко-культурный журнал юга России. Пятигорск, 1997. Вып. 6. С. 28.
11. Бжишкян М. Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из города Ани (на арм. яз.). Венеция, 1830. С. 260.
12. Запись церковных сосудов, серебра и облачений, привезенных из Крыма. Кол. 11; Шахазиз Е. Монастырь Сурб Хач Нор Нахиджевана. С.7.
13. Патканян Р. История основания Нор-Нахиджевана. С. 61–62.
14. Саргсян Т.Э., Петросян М.В. Крым: монастырь Сурб Хач. Симферополь, 2008. С. 27–29.
15. К примеру, можно сравнить с хачкаром VII в. из села Дитак и с мемориальной стелой V–VI вв. из села Верин Талин.
16. В XIX в. в селе обосновались русские, которые укрепили эту армянскую церковь, расширили ее с севера и юга и стали использовать. Во многом благодаря этому она уцелела и дошла до наших дней. В алтарной части сохранились армянские памятные кресты, остатки фрагментированных в советский период замечательных хачкаров. До восстановления были видны и следы росписей с армянскими надписями.
17. Якобсон А.Л., Таманян Ю.А. Армянская архитектура в Крыму. Ереван, 1992. С. 51.
18. Бжишкян М. Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из города Ани. С. 334.

А.В. Сериков, В.В. Черноус

ДОНСКИЕ АРМЯНЕ В КОНТЕКСТЕ УКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В 2010–2011 г. актуализировались в связи с массовыми выступлениями в крупных городах и конфликтами в сельской местности проблемы национальной политики, регулирования межэтнических отношений в Российской Федерации. На заседании расширенного Госсовета в феврале 2011 г. была поставлена задача усилить процесс формирования российской гражданской нации и разработки новой Концепции национальной политики России. В Ростовской области также создана рабочая группа и началась аналогичная работа. Она наталкивается на неопределенность и дискуссионность концептуализации понятий «нация» (политическая или этнонация), «народ», «этнос» и т.д., различное видение судьбы этносов в условиях глобализации, их места в гражданском обществе, как в научном сообществе, так и среди политиков, общественности. Цель статьи – рассмотреть опыт донских армян по

адаптации к условиям местного сообщества Ростовской области, соотношение у них этнической и российской идентичностей (по итогам социологического исследования, проведенного Южно-российским филиалом Института социологии РАН в 2011 г.) [1].

Российские армяне многие века развиваются вместе с русским и другими народами нашей страны, их лишь условно можно считать диаспорой. К сожалению, с распадом СССР армяноведение в России утратило свою масштабность, сосредоточилось в основном в самой Армении. Важным шагом по возрождению российского армяноведения стала крупная международная конференция «Россия и армяне: история взаимодействия, традиции, современные проблемы и перспективы» (23–24 апреля 2009 г., Ростов-на-Дону), проведенная по инициативе ИППК ЮФУ и Российского общества дружбы и сотрудничества с Арменией. По ее итогам был создан в составе Южно-российского филиала Института социологии РАН сектор социального партнерства и армяноведения, который с 2010 г. возглавил д.с.н. Г.В. Мирзоян. Сектор приступил к системному исследованию российских армян, проблем армяноведения в целом.

Армянская диаспора, традиционная для Ростовской области, структурно изменилась и численно возросла в период кризиса и распада СССР, особенно интенсивно данный процесс проходил в 90-е гг. XX в. Это вызвало определенную нестабильность в отношениях донских армян и армян-мигрантов из Армении и Нагорного Карабаха, а также рост напряженности в отношениях последних с остальными этническими группами принимающего населения. В настоящее время, как свидетельствуют эксперты и социологические опросы, ситуация в целом стабилизировалась, противоречия ослабли и армянская диаспора развивается в общероссийском и региональном политическом, социально-экономическом и культурном процессе.

Оставаясь традиционно приверженцами семейных и родственных ценностей, 73,2 % донских армян на вопрос «Какие события за последний год стали для Вас наиболее значимыми?» ответили, что это события в семье или у родственников (расхождение между горожанами и сельскими жителями находятся в границах социологической погрешности). Это свидетельствует о реальном сохранении у армян значения семейных ценностей, а не только их декларирования на фоне большого числа разводов и низкой рождаемости, как это происходит у других этнических групп Российской Федерации.

В то же время важно подчеркнуть включенность и заинтересованность армян в социально-экономических процессах, идущих в России и Ростовской области, что свидетельствует о высокой степени интегрированности их в региональный и общероссийский социумы. 45,1 % от общего количества опрошенных и 47,6 % горожан-армян наиболее значимыми для себя считают политические события в России, а соответственно 35,4 % и 38,1 % – эконо-

мические изменения. На этом фоне значительно меньше интерес к событиям, связанным с жизнью армянской диаспоры, особенно у горожан – всего 4,8 %, у сельских жителей этническая сплоченность выше – 17,5 %, а также к событиям в Армении.

Донские армяне в целом ощущают себя стабильно в России и Ростовской области. Большинство армян полагает, что положение в России лучше, чем в соседских странах (43 %), или примерно такое же 24,4 %, что делает Россию достаточно привлекательной для мигрантов, в т.ч. армян. Близка к этому оценка ситуации в Ростовской области. Из близлежащих регионов армяне выделяют Краснодарский край, где, по их мнению (68,5 %), ситуация складывается лучше, чем в Ростовской области, еще треть респондентов таким образом оценивает развитие Ставропольского края. Ответы на данные вопросы отражают не только объективную картину, но и особенно влияние на них сферы занятости армянского населения.

В то же время армян волнует состояние межнациональных отношений в России и Ростовской области. На них обратили внимание 14,3 % горожан и 30 % сельских жителей (в среднем – 22 %), что соответствует или даже несколько ниже, чем у россиян в целом. Уточнению данной позиции был посвящен отдельный блок вопросов.

Более 42 % оценили состояние национальных отношений в Ростовской области как напряженное, из них 5 % как очень напряженное. На такую оценку, несомненно, влияют средства массовой информации, не всегда профессионально сообщающие о конфликтах, интерпретируемых как межэтнические. В пользу такого вывода свидетельствуют ответы на 7-й и 9-й вопросы. Так, на вопрос «Как Вы оцениваете отношения между людьми разных национальностей в городе, поселке, районе, где Вы проживаете», 73,3 % респондентов оценили их как доброжелательные или спокойные и 23 % – как несколько напряженные, более того, ни один респондент в городе или селе не охарактеризовал их как очень напряженные или критические. Еще более показательны ответы на вопрос «Чувствовали ли Вы на себе за последний год проявления предубеждений или агрессии из-за Вашей национальности?» Таких ответов оказалось 12,5 %.

Вывод об определенной напряженности в отношениях армян Дона и остальных этнических групп, которая носит в основном фоновый характер, обостряемый СМИ и аналитиками, свидетельствует, что в случае отдельных эксцессов на бытовой почве они могут приводить к локальным конфликтам.

Межэтнические отношения – многовекторный и многосубъектный процесс. В связи с этим заслуживают внимания ответы на блок вопросов об отношении армян к другим этническим группам. Неприязненные отношения к людям других национальностей испытывали 16,5 % армян (18,9 % – се-

лян), что свидетельствует о достаточном уровне этнической толерантности. В основном такая неприязнь возникает на основе личного общения – 63,6 %, но не малую роль играют СМИ – 22,7 % (а среди горожан, более включенных в виртуальное пространство, 40 %).

Как народ диаспоры донские армяне менее подвержены мигрантофобии, чем другие группы населения. Неприязнь к мигрантам испытывает 3,8 % армян, практически только из сельских жителей (среди которых – 7,9 %). Сочувственно относятся к тем, кто вынужден был переселиться из-за угрозы жизни, 41,8 %. Важнейшим пожеланием, как и у других этнических групп, является то, чтобы миграционные потоки не ухудшали социальные условия в регионе (51,9 %). Наиболее лояльное отношение армяне готовы проявлять к переселенцам – гражданам РФ – 31,6 % (но всего 18,9 % селян, которые в отличие от горожан проживают компактно), славянам (22,8 %), армянам – 20,3 % и тем, кто переезжает к близким родственникам (25,3 %). Сельское население в меньшей степени готово принимать мигрантов любой национальности в местах своего проживания (даже армян – 5,4 %), что напрямую затрагивает сложившийся здесь уклад жизни.

Блок вопросов посвящен соотношению российской, региональной и этнической идентичностей донских армян. В системе идентичностей донских армян преобладает семейная (самое важное – 37,8 % и важное – 11 %), значительно превосходя все другие я-идентичности. Это вполне совпадает с ответом на 1 вопрос анкеты о значимости семейных ценностей. Следовательно, процесс разрушения традиционных групповых ценностей и идентичностей, характерных для современного западного общества (что фиксируют многие исследователи – Ф. Фукуяма и др.), российских мегаполисов, в значительной степени не затронули армян.

На втором по значимости месте для армян стоит половая идентичность (мужчина – женщина) – соответственно 15,9 – 23,2 %, что также свидетельствует о том, что модернизация в армянской диаспоре происходит на собственной социокультурной основе, сохраняя в значительной степени характер гендерных ролей. Биосоциальным идентичностям по значимости уступают собственно социальные. Важно отметить, что гражданская идентичность из 9 позиций занимает 3-е место – 19,5 % самая важная и 14,6 % важная. Парадоксально только то, что в сельской местности гражданская идентичность заняла 2-е место (20 и 15 %). В любом случае, у городских и сельских армян Дона гражданская идентичность по важности опережает этническую (6,1 и 11 %), а также профессиональную (2,4 и 7,3 %), региональная, локальная и профессиональная идентичности как неустойчивые не играют в я-идентичности армян в существенной роли (от 0 до менее 8 %).

В контексте широко обсуждаемой проблемы формирования «русской нации» большинство армян Дона считает, что она не может возникнуть

в условиях Российской Федерации – 37,8 % (а в селе 47,5 %) или для этого потребуются десятилетия – 20,7 %. В то же время менее 30 % полагают, что граждане РФ составляют российскую нацию. Более того, 78 % армян (из них 90,5 % в городах) готовы, при условии сохранения армянской идентичности, назвать свою национальность «россиянин». Следовательно, донские армяне в политико-правовом, гражданском смысле интегрированы на уровне самоощущения в российское общество. Что касается региональной (ростовской, южно-российской идентичности), то она актуализирована в меньшей степени как инвариант российской и требует более целенаправленного конструирования.

Этническая идентичность рассматривается армянами как часть сложной полиэтнической российской идентичности. Как же донские армяне самоопределяют свою этническую идентичность? По мнению донских армян, самоидентификация определяется знанием армянских традиций – 67,1 % (76,2 % у горожан) и самоощущением – 57,3 % (62,5 % у сельских). Далее идут позитивные черты национального характера: трудолюбие, целеустремленность – 53,7 %, щедрость и гостеприимство – 48,8 %. Лишь на пятом месте стоит знание армянского языка – 43,9 %, приверженность традициям Армянской апостольской церкви – 28 %. Данная иерархия идентификационных признаков вполне характерна для традиционных диаспор, интегрированных в местные сообщества на протяжении нескольких поколений, когда сфера проявления этничности объективно уменьшается, что не мешает ее воспроизводству и трансформациям.

Так, сфера соблюдения армянских традиций ограничивается в значительной мере пространством семейных (земляческих) праздников и ритуалов и т.п. – 69,5 % и в повседневном общении – 17,1 %. Большинство донских армян используют армянский и русский языки в качестве родного, причем знание русского языка несколько лучше. Так, 34,1 % армян (19 % в городе и 50 % в селе) владеют литературным армянским языком, могут читать и писать. 9,8 % умеют читать и 25,6 % владеют только устной речью, причем местными диалектами. Сфера использований армянского языка ограничена общением с родственниками, друзьями и другими армянами. 13,4 % донских армян читают книги, СМИ, в т.ч. электронные, на армянском языке.

65,9 % армян свободно владеют письменно и устно русским языком, а еще 25,6 % считают себя знатоками русского языка. Большинство донских армян думают на русском языке – 41,5 % (66,7 % в городах), на русском или армянском – 31,7 %, только на армянском – 20,7 % (27,5 % в селах). Таким образом, у донских армян, особенно представителей традиционной диаспоры, сложилась двойная языковая идентичность с приоритетом владения и использования русского языка. Кроме того, нужно иметь в виду, что донские армяне признают особенности в языке у различных по происхождению армян (74,6 %).

Сохраняются также субэтнические различия в особенностях обрядов и традиций (50,7 %), особенностях повседневного поведения (41,8 %). Несмотря на различия между субэтническими группами донских армян (что в той или иной мере признает более 80 % респондентов), внутридигаспорная конфликтность в настоящее время незначительна, противоположную оценку дает лишь 13,4 %.

Донские армяне проявляют большую заинтересованность в сохранении армянской культуры. При этом оценка состояния армянской культуры выглядит разнополюсно. Почти 33 % считает, что она развивается или стабильна – 18,3 %, 34,1 % опасаются, что армянская культура утрачивается, а 11 % сталкивается с определенными проблемами. Основная угроза, как полагают 62,2 % респондентов, исходит для этнической культуры со стороны массовой культуры. Более 64,6 % армян стремятся узнать больше о традициях и культуре армянского народа. В то же время донские армяне связывают проблемы развития армянской культуры на Дону с недостатком своих ресурсов, инициативности, а не с дискриминацией со стороны властей. Большинство армян не видит ни привилегий, ни дискриминации по национальному признаку в Ростовской области (соответственно 67,1 % и 53,8 %), исключая решения чиновников и вообще сферы госслужбы (37,7 %). В последнем случае, вероятно, следует иметь в виду коррупционную составляющую во взаимоотношениях донских армян и бюрократии, силовиков.

Армяне поддерживают разносторонние связи с армянами Армении (17,7 %), соседних регионов РФ (11 %). Это важные каналы воспроизводства и поддержки этнической идентичности и солидарности, но их потенциал используется незначительно.

Таким образом, оптимизация положения армян может предусматривать два магистральных направления. Первое – достижение высокого уровня национально-культурной самоорганизации и этнокультурного комфорта, благополучного этнокультурного самочувствия. Второе – упрочение и укоренение среди других этнических сообществ Дона. Важно учесть соотношение успешных сфер деятельности армян Дона и наиболее привлекательных для них, чтобы проводить сбалансированную политику занятости и поддержки образовательной и культурной сфер. Это важно не только для этнической реабилитации, для формирования благополучного автостереотипа «армяне – россияне», но и для профилактики межэтнических противоречий, национализма и ксенофобии. В настоящее время этническая идентичность армян Дона, как и других этнических и субэтнических групп жителей Ростовской области (при определенных поколенческих различиях), не противоречит, а включена в многокомпонентную российскую идентичность [2]. Также необходимо сознательное самоопределение армян как жителей региона и граждан России, это целевые действия армян по максимальной адаптации и интеграции в крае.

Далее – это национально-культурное внедрение армян в общественные организации и автономии при координации действий этих организаций.

Примечания

1. Армяне Юга России: опыт социологического исследования. Ростов н/Д; М., 2011.
2. Казачество как этнонациональный феномен современной России (по результатам социологического исследования казачества Дона). Ростов н/Д, 2011; Гармонизация межнациональных отношений в ЮФО. Российские корейцы в диалоге народов и культур Дона. Ростов н/Д, 2011 и др.

А.Е. Тер-Саркисянц

ИЗ ИСТОРИИ ЧЕРКЕСО-ГАЕВ (ЧЕРКЕССКИХ АРМЯН)

Черкесо-гаи, как называли черкесских, или горских, армян, – одна из наиболее древних (по времени появления на Северном Кавказе) историко-этнографических групп армянского этноса, обитавшая среди западных адыгов. О времени их появления в горах Черкесии в литературе существуют различные версии. По мнению одних ученых, например Ф.А. Щербины, армяне переселились сюда в XIV в., после падения в 1375 г. Киликийского армянского царства. По мнению других, например Л.А. Погосяна, переселение шло в XV в. из Крыма. Г.С. Аракелян, подробно изучив различные источники, пришла к выводу, что первыми переселенцами были армянские воины, которые появились здесь в конце X либо в XI в. Они были с почетом приняты местным населением и вскоре заняли высокое положение в их сословной иерархии, получив равные права с черкесскими дворянами – *узденями*. Основным их занятием была торговля, благодаря чему они поддерживали постоянную связь с армянской колонией в Крыму и тем самым с остальным армянским миром. Это в дальнейшем способствовало численному пополнению этой группы за счет переселенцев из самой Армении и главным образом из Крыма и Малой Азии. Именно этим объясняются разные варианты преданий о переселении армян, поскольку каждая их группа отражала в преданиях свою историю. Примерно того же мнения придерживались В.Б. Виноградов и С.Н. Ктиторов, считавшие, что переход армян в горы Северного Кавказа и, в частности в Черкесию, был не одномоментным процессом, а включал в себя разные потоки, которые шли как из Армении, так и из Крыма и других областей, охватывая при этом довольно длительный период – с X–XI и вплоть до XVII в. [1].

Согласно источникам, армяне, женившись на черкешенках, дисперсно расселились на значительной территории Северо-Западного Кавказа. Их интенсивные контакты с черкесами в различных сферах жизни – экономической,